

— Кха-кха!..

Линь Му поспешно отставил чашку, заходясь в приступе кашля.

Гу Суйчжи лишь презрительно фыркнул:

— Что, не нравится? Думаешь, если прикинешься несчастным, покраснеешься ипустишь слезу, я сразу разжалоблюсь? Нет, я...

Договорить он не успел: юноша с громким стуком поставил чашку на стол.

Линь Му поднялся и подошел к медному зеркалу на подставке. Поверхность его была мутной, и в тусклых отблесках пламени отражение казалось отлитым из расплавленного золота. Юноша небрежно откинул прядь со своего плеча и расплел косичку, которую раньше заплел ему Гу Суйчжи. Теперь его волосы свободным каскадом струились по спине, точно темный шелк.

— Э? — Линь Му был сбит с толку. — Бесполезно? Тогда зачем Гу Суйчжи заставил меня это писать?

Он обернулся к мужчине:

— Старший, так это...

Гу Суйчжи поставил перед собой маленькую глиняную фигурку — миниатюрную копию Линь Му — рядом со своими фигурками, изображавшими чаепитие и медитацию. Он небрежно отряхнул руки и, щурясь от удовольствия, мягко произнес:

— Это моё имя.

***

Старый император обожал пышные пиры. Огромные запасы золота и серебра из казны превращались в бесконечные празднества: малые — раз в три дня, великие — каждые пять. Государь любил восседать на возвышении с чашей вина, слушая льстивые речи чиновников и наблюдая за танцовщицами, изгибающимися ему на потеху. Лишь недавняя болезнь заставила его ненадолго отказаться от этих привычек, но стоило ему пойти на поправку, как тяга к роскоши вспыхнула с новой силой.

Мо Сюнь, не обращая внимания на Мо Хэмяо, слез с кровати и босиком подошел к столу. Он

взял тяжелый кинжал, украшенный самоцветами и затейливой гравировкой, и с силой провел лезвием по столешнице.

Рядом с новой чертой уже виднелись другие отметины — глубокие, беспорядочные шрамы на дереве, которых набралось уже добрых два десятка. Этот стол служил юноше календарем: так он отмечал дни с момента своего попадания в этот мир, отсчитывая время до смерти императора.

Оставалось триста сорок дней. Триста сорок зарубок до того момента, как старый тиран испустит дух.

Мо Хэмяо, припадая на ногу, подошел ближе и с любопытством заглянул брату через плечо:

— Маленький дурачок, чем это ты занят?

Мо Сюнь с лязгом бросил кинжал и обернулся к принцу с кроткой, бесхитростной улыбкой:

— Это «Тетрадь смерти».

Второй принц лишь недоуменно моргнул.

Заметив, что Мо Сюнь проснулся, Ян Ло и слуги принялись за его утренний туалет. По случаю пира наряд юноши был особенно вычурным: один слой одежды ложился на другой, а количество украшений превышало все разумные пределы. Даже в прическу вплели нити с алыми камнями. Стоило ему повернуть голову, как раздавался мелодичный перезвон.

Принц какое-то время увлеченно катал по столу шарики из бумаги, но когда попытался встать, едва не повалился обратно под тяжестью убранства:

— Ой, как тяжело!!

Ян Ло поспешно подхватила его. Ей было и смешно, и совестно: пока Мо Сюнь сидел смирно, он казался таким тихим и послушным, что она не удержалась и навешала на него лишнего. Понимая теперь, что переборщила, девушка принялась снимать часть камней, стараясь не рассмеяться.

Но Мо Сюню уже надоело сидеть на месте. Сколько бы Ян Ло ни объясняла, что хочет облегчить его ношу, он больше не желал слушать. Юноша принялся носиться по покоям, уворачиваясь от служанок с поразительной ловкостью.

Мо Хэмяо молча наблюдал за этой возней. Глядя на чистую, по-детски искреннюю улыбку Мо Сюня, он почувствовал, как в душе шевельнулось сомнение.

«Неужели, когда человек теряет разум, его природа тоже меняется?»

Он слишком хорошо помнил, каким несносным и жестоким был его брат прежде. Мо Хэмяо был уверен, что ненавидит его. Но нынешний Мо Сюнь... он почему-то вызывал симпатию.

Второму принцу было не по себе. Это чувство напоминало вкус хурмы, которую ему недавно прислали в подарок льстивые чиновники: сначала терпкая и горькая, а под конец — внезапно сладкая. Это раздражало.

Мо Хэмяо глубоко вздохнул, пытаясь успокоить самого себя. Он решил, что всё дело в его собственной натуре: он ведь не чета прежнему Мо Сюню.

«Я — хороший человек! А хорошим людям свойственно сострадание. Даже если этот человек — родной брат, по чьей вине я остался хромым на всю жизнь».

***

Пока Мо Сюнь играл с Ян Ло в догонялки вокруг колонн, он украдкой следил за лицом Мо Хэмяо. Тот выглядел так, будто у него началось раздвоение личности: то злобно оскалится, то тяжело вздохнет. Лицо его переливалось всеми цветами радуги, точь-в-точь как у человека, объевшегося ядовитых грибов.

Мо Сюнь втайне вознес молитву небесам:

«Боженька, сделай так, чтобы Мо Хэмяо не мутировал прямо в моей комнате».

— Ладно-ладно, у меня уже голова кругом идет от тебя, — когда Мо Сюнь в очередной раз пробежал мимо, Мо Хэмяо перехватил его за руку. — Пора идти. Время пришло.

Мо Сюнь, запыхавшись от беготни, не придумал ничего лучше, кроме как запрыгнуть брату на спину:

— Неси меня!

Опешивший от такой наглости, Мо Хэмяо покачнулся, его тело мгновенно одеревенело. Ян Ло в ужасе всплеснула руками:

— Ваше Высочество, немедленно слезьте! Живо!

Но Мо Хэмяо лишь отмахнулся:

— Ничего, всё в порядке.

Он подхватил брата под ноги и в самом деле побрел к выходу. С каждым хромым шагом, ощущая тепло чужого тела, Мо Хэмяо снова начинал злиться. Но когда его раздражение достигло предела, а в голове привычно зазвучало: «Я — хороший человек», — он почувствовал, как Мо Сюнь заболтал ногами.

— Да не дергайся ты... хм?

Договорить принц не успел — в рот ему внезапно запихнули нечто сладкое. Нащупав это языком, он понял, что это кусочек кураги. Мо Хэмяо невольно замер, перекатывая сладость во рту, и сам не мог понять, что чувствует в этот миг.

Когда они вышли во двор, его личный слуга бросился к ним, желая помочь Мо Сюню спуститься, но тот заупрямился и вцепился в брата мертвой хваткой. Мо Хэмяо лишь вздохнул и покачал головой:

— Оставьте. Пусть будет так.

Лишь у самых носилок Мо Сюнь соизволил слезть. Когда они уселись внутри, юноша уставился на Мо Хэмяо немигающим взглядом.

— Что такое? — спросил тот.

В ответ Мо Сюнь внезапно потянулся к своей голове и с силой вырвал один из драгоценных камней, прихватив заодно и клок волос. Он болезненно зашипел, и Мо Хэмяо невольно поморщился, сочувствуя этой боли.

В следующее мгновение на ладонь брата упал тяжелый самоцвет. Принц насильно вложил камень в его руку.

Мо Хэмяо удивленно вскинул брови:

— Маленький дурачок, это еще зачем? Мне?

Мо Сюнь зашептал, и в голосе его звучало безграничное детское доверие:

— Второй брат нес А-Сюня. Второй брат хороший. Возьми блестяшку, купишь себе конфет.

Мо Хэмяо поджал губы и попытался вернуть камень:

— Забирай свою безделушку. Я еще не настолько опустился, чтобы оббирать тебя.

Он прекрасно знал, сколько глаз сейчас следит за каждым их шагом. Если кто-то узнает, что он принял подарок от безумного брата, его тут же обвинят в стяжательстве и издевательствах над калекой.

Но Мо Сюнь, встретив отказ, не на шутку рассердился. Он состроил упрямую мину и, замахнувшись кулачком, пригрозил:

— Если не возьмешь, я тебе эту блестяшку в дырку засуну!

Мо Хэмяо:

— ...

«Как ему удастся за секунду превращаться из невинного ребенка в злобного чертенка?»

Глядя на то, как драгоценный камень замер у самого его носа, Мо Хэмяо испугался, что брат и впрямь воплотит угрозу в жизнь, и поспешно забрал подарок.

— Ладно, тогда брат примет его.

***

На праздничном пиру было невероятно шумно. Чиновники прибыли со своими подчиненными, сыновьями и женщинами, а знать привела с собой едва ли не все свои семьи. Отовсюду доносился многоголосый гул. Носилки двигались с трудом, то и дело застревая в толпе.

Мо Сюнь решил, что это идеальный момент для его триумфа — лучшей возможности доказать всем свое безумие и не придумаешь. Не предупредив Мо Хэмяо, он на ходу откинул полог и спрыгнул на землю.

Второй принц, носильщики и прислуга замерли в ужасе. Они попытались поймать юношу, но тот, точно скользкий вьюн, просочился сквозь их руки.

Завидев Мо Сюня, чиновники падали на колени, не забывая при этом жадно разглядывать его. В их глазах читалось лишь одно слово: «Сплетни». Слухи ходили один невероятнее другого — от «маленький принц повредился умом» до «он ест грязь, пускает слюни, и у него выросло два носа».

Увидев, что юноша по-прежнему хорош собой и даже кажется вполне разумным, многие

испытали разочарование. Но они не знали, что спектакль только начинается.

Мо Сюнь громко и заливисто расхохотался трижды, приковывая к себе все взгляды. А в следующее мгновение он внезапно рухнул на колени. Точнее, встал на четвереньки и с невероятной скоростью пополз по земле, выбирая самые людные места.

Чиновники в страхе шарахались от него, не смея подняться. Они неуклюже пятились на коленях, но Мо Сюнь был быстрее. В толпе то и дело слышались испуганные возгласы:

— Ой, моя спина!..

— Ваше Высочество! Пожалуйста, поднимитесь!..

— А-а-а! Моя нога! Он наступил мне на ногу! Больно!

Мо Сюнь, точно неуправляемый таран, сбивал людей с ног. В глубине души ему было немного стыдно за этот перформанс, но выживание требовало жертв. Ползая в пыли, он невольно подумал:

«Интересно, если об этом напишут в летописях, назовут ли это "Первым ползком сопротивления Мо Сюня против старого императора и феодализма"?»

Мо Хэмю наконец выбрался из носилок и вместе со слугами попытался поднять брата.

Мо Сюнь внезапно зашелся в громком смехе, катаясь по земле:

— Ой, как щекотно! Ха-ха-ха!

— Вставай, хватит паясничать! — Мо Хэмю попытался его поднять. — На что это похоже?!

Присутствующие смотрели на второго принца с изумлением. Тот, кто сам вечно пропадал в вертепах, вдруг начал читать мораль. Но Мо Хэмю было не до них. Он внезапно осознал, что переживает, как бы брат не простудился на холодной земле. От этого вороха противоречивых чувств его лицо исказила странная гримаса.

Внезапно всё стихло. Взоры всех обратились к выходу, точно заведя там нечто ужасное.

— Чжаньинь... — прошептал кто-то.

Мо Сюнь, продолжая стоять на коленях, закинул голову назад и увидел Гу Суйчжи.

Несмотря на осеннее тепло, этот человек набросил на плечи темно-синий плащ, который еще сильнее подчеркивал его бледность и безупречную статью.

— И что же здесь происходит? — раздался над ним холодный голос.

Их взгляды встретились. Мало кто осмеливался смотреть Гу Суйчжи в глаза. Его пронзительный взор хищника заставлял людей обливаться холодным потом даже в самый знойный день. Но Мо Сюнь и не думал отводить взгляд. Он уставился на евнуха с самым глупым видом и внезапно спросил:

— А ты кто?

Гу Суйчжи невольно стиснул зубы. Он ведь уже трижды называл этому идиоту свое имя! Почему же тот помнит Мо Хэмяо, а его — нет? И это после всех тех сладостей, которыми он его кормил!

Гу Суйчжи подошел вплотную и замер перед юношей. Он не ответил на вопрос, лишь протянул ему правую руку:

— Вставайте.

Мо Сюнь послушно оперся на его предплечье. Сквозь ткань плаща он почувствовал холод его тела и неожиданную силу мышц. Поднявшись, принц обернулся и увидел Мо Хэмяо, который смотрел на них с непередаваемым выражением лица — так смотрят на любимый огород, который только что перепахала дикая свинья.

— Мы задерживаем господ, — Гу Суйчжи бесстрастно обвел взглядом чиновников. — Его Величество ждет уже долго. Прошу вас, господа, проходите на пир.

Толпа поспешила скрыться, а Мо Сюнь был снова захвачен Мо Хэмяо и водворен в носилки.

— Эх ты, маленький дурачок! — запричитал брат. — Второй брат звал тебя — ты не вставал, а стоило Гу Суйчжи позвать, так ты сразу вскочил. Неужели ты его так боишься?

Он сокрушенно вздохнул:

— Эх, зря я только тащил тебя всю дорогу!

Мо Сюню показалось, что в голосе Мо Хэмяо звучит ревность. Чтобы загладить вину, он широко улыбнулся:

— Второй брат — хороший!

Мо Хэмяо лишь покачал головой:

— Ну и дурак же ты. И кто по-твоему хороший, а кто плохой?

Несмотря на эти слова, на его губах заиграла довольная улыбка.

***

В главном зале было шумно. Мо Хэмяо усадил брата на почетное место в самом начале ряда. Наследный принц Мо Чэнцзин уже был там; он беседовал с молодым военачальником лет двадцати.

Тот был облачен в темно-пурпурное одеяние, на его поясе покачивался длинный и пушистый волчий хвост. Густые брови, пронзительный взгляд, прямой нос. Несмотря на правильные черты, в его облике сквозила дерзость. Заметив приближающихся принцев, юноша замолчал.

Увидев Мо Сюня, он помрачнел. Бросив на него полный презрения взгляд, воин молча развернулся и ушел.

— Второй брат, третий брат.

Мо Чэнцзин попытался подняться, чтобы поприветствовать их, но внезапно зашелся в кашле.

Мо Хэмяо никогда не ладил с наследником. Увидев его немощь, он лишь едко усмехнулся:

— Наследный принц, берегите здоровье.

Эти слова прозвучали с такой явной издевкой, что Мо Чэнцзин не мог не заметить её. Он лишь горько улыбнулся, прикрыв рот платком. Он знал, что его считают слабым, но что он мог поделаться? У Мо Хэмяо была травма ноги, сделавшая его циничным. А Мо Сюнь всегда был любимцем отца. Сам же он, хоть и был старшим сыном, не обладал реальной властью.

Окруженный врагами, он привык быть осторожным. Но не успел он ответить, как заговорил Мо Сюнь. Юноша с самым невинным видом в точности скопировал интонацию Мо Хэмяо:

— Наследный принц, берегите здоровье!

Фраза, которая из уст второго брата звучала ядовито, в исполнении Мо Сюня стала комичной. К тому же, из-за спешки он смешно исковеркал слова, заменив некоторые звуки. Мо Чэнцзин и

Мо Хэмяо не выдержали и одновременно прыснули со смеху, но тут же смущенно умолкли.

А Мо Сюнь восторженно захлопал в ладоши:

— Старший брат покраснел, второй брат тоже покраснел! Ха-ха-ха, стыдно! Ха-ха-ха!..

Мо Чэнцзин устало потер лоб:

— Третий брат...

А Мо Хэмяо просто принялся ерошить его волосы:

— Мо Сюнь, а ну замолчи!

В этот момент зал внезапно погрузился в тишину. В дверях показалась высокая фигура в ярко-желтом одеянии. Император Лунъань выглядел лучше, чем прежде, но он был уже пьян — походка его была нетвердой, а в замутненном взгляде читалось хмельное веселье.

Все присутствующие пали ниц. Лишь три человека остались стоять: старый император, Мо Сюнь и Гу Суйчжи, замерший рядом с государем.

Император Лунъань, не обращая внимания на распростертых подданных, поманил сына к себе:

— А-Сюнь, иди ко мне.

Мо Сюнь, старательно высунув язык и оттянув веко, соорудил рожу. Он долго размышлял над этим: такая гримаса должна была показать всем, что он больше не близок с отцом, но при этом не настолько разозлить старика, чтобы тот приказал его наказать.

Государь опешил, но Мо Сюнь закричал прежде, чем тот успел открыть рот:

— Я есть хочу! Я не завтракал, не обедал! Когда нас будут кормить?!

Услышав жалобу любимца, император тут же растаял:

— Всем встать!

Заиграла музыка, и танцовщицы закружились в танце. Но в этом зале, кажется, лишь один человек был по-настоящему доволен — Мо Сюнь, который с энтузиазмом принялся за еду. Честно говоря, кормят здесь отменно. Вот только жарко слишком, да и запах благовоний

чересчур густой.

Принц почувствовал, что голова у него идет кругом. Он вышел из зала и нашел Ян Ло. Заявив, что ему срочно нужно в уборную, под её тревожным взглядом он поспешил прочь.

Когда он вернулся, Ян Ло выглядела успокоенной:

— Маленький принц просто молодец, ничего не испачкал!

Мо Сюнь:

— ...

Сгорая от стыда, он выдавил из себя глуповатую улыбку. Но тут за его спиной раздался презрительный смешок. Мо Сюнь обернулся и увидел того самого военачальника. Он был выше принца на добрую голову и сейчас, скрестив руки на груди, взирал на него свысока.

Юноша криво усмехнулся:

— Мо Сюнь, это и есть твое возмездие.

— А это кто? — спросил Мо Сюнь у Ян Ло.

Та уже открыла рот, чтобы ответить, но маркиз опередил её:

— Фан Лин.

Фан Лин, молодой маркиз Фан. Мо Сюнь догадался об этом еще при первой встрече. Его внешность и повадки сразу выдавали в нем главного героя. Но роль нужно было доигрывать. Мо Сюнь непонимающе уставился на него:

— О... А что такое «возмездие»?

Фан Лин снова скривился в насмешке:

— Это то, что с тобой сейчас происходит. Ты стал дураком.

Вместо того чтобы обидеться, Мо Сюнь весело расхохотался. Маркиз нахмурился:

— Чего смешного?

— Я смеюсь над тем, какой ты глупый. Даже не видишь, что я вовсе не дурак!

Фан Лин:

— ...

Услышать такое от безумца было невыносимо. Он хотел было язвительно ответить, но, встретив пустой взгляд принца, понял, что тот всё равно ничего не поймет. С коротким фырканьем Фан Лин развернулся и ушел.

Но тут же послышался звон украшений — Мо Сюнь бросился за ним следом.

— Подожди! Ты куда?

Принц пристроился рядом с ним и как ни в чем не бывало спросил:

— Слушай, а сколько тебе лет? Семь? Восемь?

На виске Фан Лина дернулась жилка:

— Где я похож на ребенка?! Мне семнадцать!

— А как тебя зовут? Фан... Фан...

Маркиз помрачнел:

— Фан Лин. Прекрати за мной ходить!

Мо Сюнь лишь хихикнул:

— Не-а! — Он продолжал семенить за ним. — А ты знаешь, что такое матанализ? Интеграл с переменным пределом — это функция, и если ты её встретишь, сначала бери производную.

Фан Лин:

— ...?

— А моего старшего брата знаешь? Мой брат такой крутой! Он даже дерьмо съест!

Фан Лин:

— ...?

В душе он изумленно ахнул: неужели Мо Сюнь после того, как стал дураком, стал еще более невыносимым, чем прежде? Знал бы наследный принц Мо Чэнцзин, как о нем отзывается младший брат!

Маркиз лишь ускорился, но Мо Сюнь не отставал, мелко семеня за ним:

— Ты знаешь моё имя? Меня зовут Мо Сюнь, но ты также можешь называть меня «лонг лайф».

Фан Лин внезапно резко остановился у входа в один из павильонов. Он обернулся и крепко зажал принцу рот ладонью. Его глаза, яркие как звезды, оказались совсем близко.

— Замолчи, — прошептал Фан Лин низким голосом.

Мо Сюнь широко раскрыл глаза. Вскоре он понял, почему маркиз заставил его замолчать. Он услышал плач. Хриплые, душераздирающие крики женщины доносились изнутри павильона.

***

В главном зале в это время Гу Суйчжи незаметно нахмурился. Старый император окончательно опьянел. Схватив одну из танцовщиц, он повалил её прямо на стол, сбросив на пол яства. Его глаза горели похотью, он уже рвал на ней одежду.

Государь обвел зал мутным взглядом. Танцовщицы дрожали от ужаса, наложницы отводили глаза. Чиновники понуро опустили головы. Наследный принц Мо Чэнцзин до боли сжал кулаки, а Мо Хэмяо лишь лениво развалился на своем месте, криво усмехаясь. Внезапно в дверях мелькнула алая фигура. Но в следующую секунду её кто-то утащил прочь, зажав рот.

Несмотря на миг, Гу Суйчжи узнал его. Это был Мо Сюнь. Мысли евнуха невольно вернулись к тому, как юноша с аппетитом уплетал еду на пиру. Раздражение в сердце немного утихло, но его снова пробудил хриплый плач танцовщицы.

Гу Суйчжи подошел к императору:

— Ваше Величество.

Пьяный старик поднял голову и, увидев Гу Суйчжи, расплылся в улыбке. Он схватил его за запястье и потянул к девушке:

— Суйчжи, хочешь попробовать? Ну же...

Гу Суйчжи перехватил его руку, намереваясь увести старика, как вдруг у самого входа раздался оглушительный грохот. Все замерли. В дверях стоял Мо Сюнь. Его руки всё ещё были выставлены вперед, будто он только что что-то толкнул.

У его ног лежали осколки бесценного сине-белого фарфорового флакона, который был ростом почти с человека. Император вздрогнул, а Мо Сюнь, не обращая внимания на битые черепки, направился прямо к нему.

— А-Сюнь, ты...

Принц плюхнулся на пол перед отцом, схватил его за воротник и принялся трясти со всей силы:

— А-Сюнь?! — взмолился император, у которого всё поплыло перед глазами. — Отпусти!

Мо Сюнь и впрямь замер. А в следующую секунду он повалился на пол и принялся кататься по ковру, дрыгая ногами:

— Почему папочка только её любит, а меня нет?!

— Я больше не твой самый любимый сын!

— Я тоже так хочу! Тоже хочу! Тоже!!

Зал онемел. Самому Мо Сюню было нестерпимо стыдно — это был удар по собственному достоинству.

— А-Сюнь, что ты такое несешь?!

Государь, сгорая от гнева и стыда, отпустил танцовщицу и попытался поднять сына. Но тот вцепился в ковер и принялся выкрикивать всякую чушь:

— «Разве я не твой самый дорогой человек?», «Властный старый отец влюбился в меня», «Давайте просто жить счастливо втроем!».

Лицо императора стало багровым. Чиновники опустили головы, желая вовсе лишиться слуха.

Лишь Мо Хэмяо с нескрываемым удовольствием наблюдал за сценой.

— Его Величество пьян. Проводите государя в его покои, — голос Гу Суйчжи прозвучал властно.

Слуги тут же бросились к императору, и тот послушно позволил увести себя. Мо Сюнь остался сидеть на полу, глядя вслед отцу, а затем вскочил:

— Эй, подождите меня! Вы куда?!

Но чья-то рука перехватила его за пояс. Мо Чэнцзин посмотрел на брата с бесконечной грустью:

— Третий брат, ты...

***

После ухода государя пир продолжать было невозможно. Чиновники поспешили разойтись. Ян Ло подбежала к принцу, на глазах её стояли слезы:

— Ваше Высочество... Ваше Высочество...

Мо Сюнь лишь хитро подмигнул ей:

— Здорово было!

Тут же он получил чувствительный щелчок по затылку. Принц обернулся и увидел хмурое лицо Фан Лина:

— Здорово? Ты на чью голову посягнул?! У тебя что, лишние жизни есть?!

Мо Сюню показалось, что после этой выходки маркиз стал относиться к нему капельку теплее. Он одарил его широкой улыбкой, и Фан Лин, закатив глаза, ушел.

Мо Сюнь:

— ...

«Я же просто улыбнулся, а не пукнул, чего он так?»

— А-Сюнь, — Мо Чэнцзин печально вздохнул, — я провожу тебя.

Они вышли вместе с остальными гостями, но Мо Хэмяо нигде не было видно. Проходя мимо столов, Мо Сюнь незаметно рассовал по карманам несколько пирожных. Ян Ло быстро завернула угощения в платок.

— А-Сюнь, — Мо Чэнцзин снова вздохнул, — никогда больше не смей так перечить отцу.

***

В небольшом павильоне подле зала Вращения Сердца располагались покои Гу Суйчжи. Сняв верхнее платье, евнух почувствовал на нем запах вина. С отвращением бросив одежду на пол, он велел Фэн Вану:

— Выброси это.

Гу Суйчжи остался один. Сев за стол в одном исподнем, он взялся за кисть. Его почерк, лаконичный и четкий, многие считали безупречным.

Но этим вечером мысли его были далеко. Он принялся переписывать «Сутру о чае», но вместо привычных иероглифов из-под его кисти раз за разом выходило лишь одно имя: «Мо Сюнь».

Сам он этого словно не замечал. Гу Суйчжи вспоминал выходку принца на пиру. Совершенно бездумно... но это сработало. Он видел лицо императора. Старик плакал в своих покоях, вопрошая: «Почему мой А-Сюнь стал таким?!»

Гу Суйчжи невольно улыбнулся. Он помнил, как с его собственной матери когда-то на улице сорвали одежду. Помнил, как её тело вывезли через боковые ворота. Император не знал пощады, и теперь возмездие пало на его любимого сына.

Старик отчетливо осознал: Мо Сюнь уже не станет прежним. Чем больше Гу Суйчжи думал об этом, тем более довольным становился. Но возникло опасение: если принц продолжит так злить отца, император может перестать его баловать.

«Но что, если... я буду оберегать его?» — эта мысль крепла в его сознании. Если он будет оберегать Мо Сюня и научит его правильно злить императора, эта игра станет куда интереснее.

Гу Суйчжи медленно разорвал лист, накинул плащ и вышел из дома.

***

Мо Сюнь не спал. Укутавшись в одеяло, он ворочался с боку на бок. Ему было невыносимо стыдно за те слова, что он выкрикнул на пиру. К тому же его мучила тревога: император Лунъань —тиран, и его любовь к сыну могла закончиться там, где началось открытое неповиновение.

Внезапно в окно негромко постучали. Мо Сюнь увидел на бумаге окна смутный силуэт и вскрикнул от испуга.

— Не бойся, Ваше Высочество, это я, — раздался за окном ледяной голос.

Гу Суйчжи. Мо Сюнь снова невольно вскрикнул. Евнух за окном лишь тяжело вздохнул.

<http://bllate.org/book/15862/1438998>